

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL CRIME

O. Filippova

Annotation

The degree of public danger of a professional crime is higher in comparison with the crime, is not related to that. This is due to the fact that a professional criminal activity, because of the increased "skill" of its subjects, creates a greater likelihood of socially negative effects, and more serious than ordinary criminality.

Keywords: generic characteristics, the totality of the offender, public danger, occupation, act, prevention, specific characters, specialty, Maydannik, stopper shirmach, pickpocket, burglar.

Филиппова Ольга Владимировна

К.юр.н., доцент каф. гражданско-правовых дисциплин Уральского института доп. профессионального образования "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)", член Российской криминологической ассоциации, нотариус, г. Екатеринбург

Аннотация

Степень общественной опасности профессиональной преступности является более высокой по сравнению с преступностью, не относящейся к таковой. Это обусловлено тем, что профессиональная преступная деятельность, в силу повышенного "мастерства" ее субъектов, создает большую вероятность наступления социально-негативных последствий, причем более тяжких, чем обычная преступность.

Ключевые слова:

Родовой признак, совокупность, преступник, общественная опасность, профессия, деяние, профилактика, видовой признак, специализация, майданник, стопорилка, ширмач, карманник, домушник.

Профессиональная преступность, как и любой вид преступности, обладает родовыми признаками (социальный, уголовно-правовой, относительно-массовый, системный характер, временная и территориальная определенность), состоит из целой совокупности преступлений, образующих в своей системе криминальный профессионализм, лиц, их совершивших (в данном случае профессиональных преступников), среды профессиональных преступников, обладает общественной опасностью, которая является повышенной и специфической.

Ядро профессиональной преступности образует криминальный профессионализм. По мнению А.И. Гурова, криминальный профессионализм – это разновидность преступного занятия, являющегося для субъекта источником средств существования, требующего необходимых знаний и навыков для достижения конечной цели и обуславливающего определенные контакты с антиобщественной средой [4, с. 40]. В этом определении нашли отражение специфические (видовые) признаки криминального профессионализма, с которыми в большей части следует согласиться. Однако некоторые из этих признаков, безусловно, нуждаются в уточнении. Прежде всего, в предложенном автором определении отсутствует указание на то, что криминальный профессионализм представляет собой не что иное, как преступную деятель-

ность, а остальные признаки лишь характеризуют его как определенную разновидность. Отдельная совокупность даже большого количества преступлений, не взаимосвязанных между собой, не представляющих собой единой, целостной системы в виде деятельности, криминального профессионализма не образует (например, совершение одним человеком в течение месяца таких преступлений, как кража, убийство, изнасилование, сбыт наркотических средств, получение взятки, халатность, нарушение правил дорожного движения).

Такой вывод вытекает из сущности самой профессии, определяемой в словарях как основной род занятий, трудовой деятельности [14, с. 543], требующей специальных теоретических знаний и практических навыков и являющейся обычно источником существования [19, с. 498].

Ключевым в этом понятии выступает категория деятельности, которая представляет собой социальную форму движения материи: способом существования жизни является активность, животных – жизнедеятельность, человека – деятельность [9, с. 39]. Человеческая деятельность характеризуется в литературе как совокупность осознанных и целенаправленных действий, объединенных в единую систему общим мотивом [13, с. 102–103]. Соответственно этому преступная деятельность определяется как система преступных и тесно связанных с ними допреступных и посткриминальных деяний, объединен-

ных общим мотивом [7, с. 96]. Включение непреступных деяний в преступную деятельность обусловлено тем, что они имеют общий мотив с преступными действиями, включены в единую цепь преступной деятельности [7, с. 94]. Например, уголовно наказуемым является приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям (ч. 2 ст. 30 УК РФ). Однако любое приготовление образует определенный этап в развитии преступной деятельности, в силу чего является ее составной частью. Посткриминальная деятельность, направленная на сокрытие совершенного преступления, также является определенным этапом преступной деятельности, однако наказание за нее предусмотрено не во всех, а лишь в определенных случаях (ст. ст. 174, 174-1, 175, 316 УК РФ). Фактическое участие физических лиц, не обладающих признаками субъекта преступления, в преступлении, совершенном лицом, обладающим такими признаками, является составной частью совместной преступной деятельности, однако не может быть признано преступлением [25, с. 12-13]. Такое понимание преступной деятельности исключительно важно для профилактики криминального профессионализма в тех сферах деятельности, где он стремится к легализации, используемой им для расширения своего влияния на общество (например, в сфере политики).

Итак, криминальный профессионализм является преступной деятельностью, которая обладает такими видовыми признаками, свойственными всякой профессии, как специализация, квалификация, способность быть источником материального существования, принадлежность к определенной преступной социальной среде, в которой она осуществляется.

Специализация предполагает сосредоточение деятельности на каком-либо определенном занятии, приобретение специальных знаний и навыков в конкретной области [19, с. 572]. Соответственно этому специализация как признак криминального профессионализма состоит в занятии конкретным видом преступной деятельности, который предполагает овладение специальными теоретическими знаниями, практическими навыками и умениями. Например, лица, действия которых квалифицируются как кражи, только тогда могут быть отнесены к профессиональным преступникам, когда они систематически совершают конкретный вид краж. В дореволюционной России среди воров-профессионалов выделялись такие специализации, как медвежатники, совершающие кражи из сейфов, карманники, домушники, совершающие кражи из квартир, майданники (транспортные воры), стопорилы, совершающие хищения с применением холодного и огнестрельного оружия, воздушники, совершающие кражи с возов и лотков на рынках, хапушники, совершающие хищения рывком имущества из рук потерпевшего, кликушники, совершающие кражи из церквей, голубятники, совершающие кражи белья с веревок [10, с. 12]. Разумеется, что специализация существует и у современных воров-профессионалов. Среди них выделяют лиц, занимающихся кражей антиквариата, карманных

воров, "рыночников", совершающих кражи на рынках, "кротов", совершающих кражи у пассажиров метрополитенов, квартирных воров, воров, специализирующихся на угоне автотранспорта, "трясунов" из числа глухонемых, "ширмачей" и т. д. Среди мошенников выделяется более сорока специализаций [1, с. 188; 4, с. 43-46].

Квалификация в рассматриваемом аспекте предполагает уровень профессиональной подготовленности лица к какому-либо виду деятельности [19, с. 273]. Иначе говоря, квалификация является качественной характеристикой специализации, показывающей уровень профессионализма определенного лица. Очевидно, что уровень квалификации профессионального преступника является достаточно высоким, что позволяет ему довольно долго и успешно заниматься преступной деятельностью. Virtuозность и изобретательность, которой обладают многие профессиональные преступники, вызывает удивление. Например, в литературе описан актерский талант дореволюционной воровки Соньки "Золотая ручка" (Софья Блювштейн), которая умела выдать себя за аристократку, очаровать помещиков, дворян, чиновников, являвшихся постояльцами гостиниц, пассажирами поездов, разжалобить их, изобразить влюбленную в них женщину, войти с ними во флирт или половую связь, а затем, усыпив потерпевшего с помощью снотворного или воспользовавшись его естественным сном, совершить у него кражу денег, драгоценностей или других вещей [2]. По свидетельству А. П. Чехова, осужденная Софья неоднократно использовала свою привлекательную внешность и актерские данные, пытаясь сбежать с Сахалина, нарядившись солдатом или очаровав надзирателей, один из которых даже бежал вместе с нею [23, с. 89-90].

Личностный смысл профессиональной преступной деятельности состоит в том, что осуществляющее ее лицо стремится за счет этого обеспечить свои материальные потребности. Именно поэтому преступная деятельность как источник материального существования становится обязательным атрибутом криминального профессионализма. При этом профессиональный преступник может полностью существовать за счет доходов от преступной деятельности, а может лишь частично удовлетворять свои материальные потребности за счет этих доходов [4, с. 46]. Конечно, за счет преступлений могут удовлетворяться и другие потребности личности. Например, кровавый маньяк Чикатило, убивая свои жертвы, удовлетворял свои извращенные, болезненные половые потребности. Однако в этом он видел личностный смысл своего маргинального существования. Совершаемые им преступления не позволяли даже в малой степени решать его материальные проблемы. Смысл всякой профессиональной деятельности состоит именно в возможности материального существования за счет нее. Поэтому правы те авторы, которые не считают удовлетворение в процессе преступной деятельности потребностей нематериального характера признаком профессиональной преступности [21, с. 59].

Отметим, что по указанным причинам профессиональные преступники совершают чаще всего корыстные преступления (кражи, мошенничества, ненасильственные грабежи и т.д.). Разумеется, что эти лица могут совершать и корыстно-насильственные преступления, однако корысть в них является движущим мотивом, а насилие в основном только средством совершения деяния. Не случайно в литературе отмечается, что в "блатном" фольклоре героями былинного жанра будут в основном "медвежатники", карманники и "каталы", а "мокрушники" окажутся героями страшилок [8, с. 246].

Деятельность профессионального преступника невозможна без его принадлежности к определенной криминальной среде. Эта принадлежность означает не только нахождение лица в окружении себе подобных, общении с ними, но и идентификацию себя с преступным миром. В этой среде преступник находит моральный стимул деятельности, поддержку и относительную безопасность [4, с. 46–47]. В общесоциальном смысле эта среда обеспечивает сохранение и воспроизводство криминального профессионализма.

Для среды профессиональных преступников характерны такие специфические черты, как неформальные нормы поведения, специфическая субкультура, органы координации деятельности этой среды, ее закрытый для остального социума характер.

В наибольшей степени эти черты свойственны такой среде профессиональных преступников, как "воры в законе". Становление системы неформальных норм связано с возникновением "воровской идеи", воплотившейся в виде "воровского закона", на основании которого, по мнению Б.Ф. Водолазского и Ю.А. Вакутина, в начале 30-х годов прошлого века произошло слияние авторитетов общеуголовных группировок в местах лишения свободы в сообщество "воров в законе". Смысл "воровской идеи" состоит в том, что вор должен жить отдельно от общества, отвергать социально полезные связи и обязанности [22, с. 72]. Эта идея представлялась в виде отдельных норм, составлявших содержание "воровского закона": вору запрещалось заниматься общественно полезным трудом, состоять в общественных организациях, стремиться к досрочному освобождению, заниматься политикой, иметь постоянную семью, заниматься коммерцией, брать в руки оружие для оказания помощи государству (например, для защиты Отечества), оказывать помощь правоохранительным органам, совершать некоторые общеуголовные преступления (например, хулиганство) и т.д. [11, с. 36; 16, с. 235–236]. Причем эти нормы предполагали двойной стандарт отношения к тем, кто был вором или был близок к нему по роду деятельности, и к остальной части общества, прежде всего к законопослушной части населения, так называемым "фраерам". Воры свято честны в отношениях друг с другом, однако иное отношение у них к фраерам. Как отмечал В.Т. Шаламов: "Ложь, обман, провокация по отношению к фраеру, хотя бы к человеку, который спас блатаря от смерти – все это не только в порядке вещей, но и особая доблесть блатного мира,

его закон. Лживость блатарей не имеет границ, ибо в отношении фраеров (а фраера – это весь мир, кроме блатарей) нет другого закона, кроме закона обмана – любимым способом: лезть, клеветой, обещанием ... Фраер и создан для того, чтобы его обманывали ... " [24, с. 15]. Не менее хлестко эту мысль выразил А.И. Солженицын: "Урки – не Робин Гуды! Когда нужно воровать у доходяг – они воруют у доходяг. Когда нужно с замерзающего снять последние портянки – они не брезгают и ими. Их великий лозунг – "умри ты сегодня, а я завтра!" [20, с. 394]. В целом можно отметить, что социальные нормы "воровской" среды являются крайней материализацией философии индивидуализма, которая всегда была свойственна криминальной среде. Очень образно мировоззренческий фон каторги конца 19 века выразил русский писатель В.М. Дорошевич словами: "каждому – до себя" [6, с. 186]. Современная версия этой идеи выглядит более развернуто: "Не верь, не бойся, не проси".

Отступление от основных постулатов "воровского закона" жестоко карается. По свидетельству А. И. Гурова, существует три вида санкций за такие нарушения: личная пощечина, применяемая за мелкие провинности, исключение из воровского сообщества за более серьезные проступки, и, наконец, смерть за самые тяжкие нарушения [3, с. 110]. В частности, автор описывает, как воры приговорили к смерти своего товарища – карманника Хитрого за то, что он "шпарил деньги", т.е. оставлял лично себе без уведомления других воров часть денег, которые добывал вместе с другими карманниками путем краж. Причем воры, заподозрив в этом своего товарища, проверили свои подозрения, подсунув Хитрому кошелек с купюрами, номера которых были заранее пересчитаны. Часть этих денег Хитрый присвоил и был уличен [5, с. 182–188].

Следует отметить, что воровская среда крайне беспощадна к нарушителям "воровской идеи". В качестве примера сошлемся на следующую ситуацию, которая описывается в литературе. Во время Отечественной войны многие воры добровольно пошли на фронт защищать Родину в штрафные батальоны. Их смелость, привычка к риску, навыки владения оружием делали их неплохими солдатами, заслуги некоторых из них были отмечены боевыми орденами. Однако после демобилизации они, естественно, вновь вернулись к старому ремеслу, были осуждены и попали в места лишения свободы, надеясь на то, что они там будут приняты по-прежнему как воры. Вместе с тем они были отвергнуты "правоверными" ворами, которые ни на шаг не отступили от воровских понятий в годы войны. За оказание содействия государству в борьбе с фашизмом ушедшие на фронт были названы суками и без всяких оговорок отвержены от преступного сообщества. Разумеется, бывших фронтовиков это не устроило, и они начали борьбу за восстановление своих прав, объявив "новый воровской закон", который в некоторой степени смягчал наиболее одиозные ограничения "воровской идеи". Например, ворами разрешалось занимать низовые административные должности в местах ли-

шения свободы (старост, бригадиров и т. д.), в некоторых вопросах взаимодействовать с администрацией исправительно-трудовых учреждений. Безусловно, это был тактический ход сук, необходимый им для того, чтобы при поддержке администрации вернуть себе прежнее привилегированное положение. Воплощение в практику "нового воровского закона" на первых порах было связано с деятельностью вора по кличке "Король", который боролся со своими противниками с помощью особого ритуала. Выстроив в колонии всех осужденных, Король выбирал из них воров и предлагал им следующую альтернативу: становиться сукой, поцеловав приставленный к губам нож, или умирать. Такой способ борьбы вызвал ответное противодействие со стороны "правоверных" воров, которые стали уничтожать сук. В результате на Колыме началось крупномасштабное истребление воровских группировок друг друга [12, с. 30; 17, с. 77; 18, с. 11–12].

Специфическая субкультура "воров в законе" включает в себя жаргон, невербальные средства общения, прозвища, татуировки, эстетические потребности (ритуалы, музыкальную и литературную культуру, стиль одежды и манеру поведения). Каждый из этих элементов субкультуры дает достаточно ясное представление о социально-типичных признаках "воров в законе" и одновременно выполняет несколько функций в криминальной среде [15, с. 84–85, 134–137]. На наш взгляд, элементы пре-

ступной субкультуры выполняют четыре основные функции, а именно: коммуникативную, являясь специфическим средством устного, письменного или невербального общения преступников между собой; конспиративную, позволяющую обеспечить закрытость криминальной среды для законопослушного общества; опознавательную-стратификационную, позволяющую опознать принадлежность "воров в законе" к лидерам криминальной среды; компенсационную, предназначенную для оправдания преступного образа жизни через термины, имеющие позитивный или социально-нейтральный смысл ("авторитет" – известный человек в криминальной среде, "работать" – совершать кражи и т. д.). Безусловно, что каждый из элементов криминальной субкультуры в большей мере выполняет какую-то одну из функций: жаргон в большей степени предназначен для общения, татуировки – для опознания личности, прозвища – для конспирации и т. д. Мало того, выполняемая каждым элементом функция во многом зависит от того, в какой ситуации он используется. Например, если жаргон используется в среде единомышленников, он выполняет в основном коммуникативную функцию, если для межкамерной переписки в тюрьме – конспиративную, если для общения при первой встрече с незнакомым человеком – опознавательную; если для пропаганды преступного образа жизни в законопослушной среде – компенсационную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.И. Криминология: Курс лекций. М., 1998. С. 188.
2. Бернштейн А. Жизнь и преступления Соньки Золотой ручки // Преступление и наказание. 2004. № 7.
3. Гуров А.И. Красная мафия. М., 1995. С. 110.
4. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 40.
5. Гуров А.И., Рябов В.Н. Исповедь вора в законе. М., 1995. С. 182–188.
6. Дорошевич В.М. Рассказы и очерки. М., 1986. С. 186.
7. Зелинский А.Ф. Криминальная психология. Киев, 1999. С. 96.
8. Ибрагимов Р.Н. Социальное насилие: Феномен, проблема. Абакан, 2001. С. 246.
9. Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974. С. 39.
10. Кузьмин С. Организованные преступные группировки в местах лишения свободы // Преступление и наказание. 1994. № 11. С. 12.
11. Кузьмин С. Организованные преступные группировки в местах лишения свободы // Преступление и наказание. 1995. № 1. С. 36.
12. Кузьмин С.И. Элита преступного мира // На боевом посту. 2007. № 7. С. 30.
13. Леонтьев А.И. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 102–103.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Екатеринбург, 1994. С. 543.
15. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. Психология подростковой преступности. Кн. 1. М., 1998. С. 84–85, 134–137.
16. Подлесских Г., Терешок А. Воры в законе: бросок к власти. М., 1994. С. 235–236.
17. Раззаков Ф.И. Бандиты времен социализма (хроника российской преступности 1917–1991 г.г.). М., 1999. С. 77.
18. Разинкин В., Тарабрин А. Цветная масть. Элита преступного мира. М., 1997. С. 11–12.
19. Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 273.
20. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М., 1989. С. 394.
21. Устинов В.С., Муравьев В.В. Рецидив преступлений. Н. Новгород, 2001. С. 59.
22. Чалидзе В. Уголовная Россия. М., 1990. С. 72.
23. Чехов А.П. Сочинения. Т. 14–15. Из Сибири; Остров Сахалин. М., 1987. С. 89–90.
24. Шаламов В.Т. Колымские рассказы. Кн. 2. М., 1992. С. 15.
25. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 12–13.